

ВОЗВРАЩЕНИЕ. БЕЛОЕ МОРЕ

Вот и конец августа. Близится возвращение в Петербург и, когда во время работы я вспоминаю об этом, у меня сжимается сердце и холодеют руки. Почти полгода незаметно пролетели в напряженной работе. Почти полгода я сколько-нибудь близко сталкивался только со своими товарищами. И хотя за это время я успел всех их оценить и полюбить, но, несмотря на это, все мы немного друг другу надоели. Чувствовалась потребность переменить обстановку и на время уйти друг от друга. Как-то не верилось, что скоро я буду среди других людей и среди других интересов.

Уже давно прекратился непрерывный полярный день. Так приятно было зажечь у себя в каюте электричество и мечтать о том, что скоро я окунусь в клокочущую жизнь большого города; и в то же время было жалко покинуть, быть может, навсегда и это непрерывно волнующееся море, и эти маленькие каютки, в которых было столько пережито и пережито.

На берегу кипит работа. Все мы заняты укладкой коллекций, которая вместе с нами едет в Петербург. Непрерывно раздается стук заколачиваемых ящиков.

Но вот и последний взгляд на Екатерининскую гавань, и последнее рукопожатие тем из товарищей, которые остаются здесь на зиму. В душе копошится зависть: так интересно

было бы провести здесь полярную зиму! Но въ то же время такъ сладко тянетъ къ той далекой и бурно кипящей жизни, которая ожидаетъ насъ въ Петербургѣ!

Мы идемъ въ Архангельскъ производя свои обычные изслѣдованія. По ночамъ на палубе ярко светятъ электрическія лампы, позволяя вести непрерывную работу. Какой черной кажется теперь вода, когда после яркаго освещенія посмотришь за бортъ!

Доставая парусиновымъ ведромъ воду для определенія поверхностной температуры, я съ удивленіемъ заметилъ, какъ вспыхнула холоднымъ зеленоватымъ светомъ морская поверхность, когда ея коснулось ведро. Неужели это свеченіе моря? Неужели и здесь за полярнымъ кругомъ можно наблюдать это удивительное явленіе?

Я вытащилъ ведро и началъ опускать термометръ... Снова слабымъ фосфорическимъ светомъ блеснула вода въ ведре. Стоило мне поболтать воду, какъ въ ней загорались мириады блѣдныхъ голубоватыхъ искорокъ.

Темная ночь! Мы работаемъ въ ярко освещенной лабораторіи. Время отъ времени къ намъ заходитъ Александръ Петровичъ.

— Почему вы не спите? — удивляемся мы.

— Нельзя теперь спать! Мы идемъ въ горле Белаго моря, а въ такихъ мѣстахъ намъ спать не полагается!

— Да ведь есть же вахтенный штурмань!

— Штурмань штурманомъ, а за все, что можетъ произойти, отвечаю я.

Работа окончена. До утра остановокъ не будетъ, но не хочется идти къ себе въ каюту. Мы сидимъ въ лабораторіи и говоримъ уже о томъ, что ожидаетъ насъ впереди.

— Господа, северное сіяніе! — зоветь насъ Александръ Петровичъ.

Въ северной части небосклона, действительно, мерцаетъ и переливается таинственный голубой светъ.

— Это северъ прощается съ нами! — говоритъ кто-то среди наступившей тишины.

Я снова завидую оставшимся въ гавани товарищамъ: они будутъ наблюдать не такія бледныя, а настоящія северныя сіянія, когда почти все небо охватывается ихъ заревомъ.

— А это что за светлая точка? Вотъ она скрылась... Вотъ опять блеснула!

— Это маякъ! — слышится въ темноте голосъ Александра Петровича.

Я долго стою и смотрю на эту періодически потухающую и снова ярко вспыхивающую точку, но мысли мои далеко отсюда, среди моихъ близкихъ, ожидающихъ моего возвращенія.

Раннимъ утромъ мы были у выхода изъ «горла» въ самое Белое море. Глубина небольшая, всего — 86 метровъ; температуры высокія: даже у дна $+5,4^{\circ}$. После работъ идемъ дальше.

На следующей станціи подь $65^{\circ}52'$ с. ш. и $36^{\circ}16'$ в. д.— глубина 236 метровъ! Поразительны здесь были температуры: на поверхности — $+13,3$, но уже на 50 м.— $-0,8$, а на 230 м.— $-1,6$!

— Подобное распределеніе температуръ, — поясняетъ Николай Михайловичъ — очень характерно для Белаго моря: верхніе слои воды вследствие сильныхъ береговыхъ нагреваній обладаютъ очень высокими температурами сравнительно съ теми же слоями воды въ океане; но зато более глубокіе слои, изолированные отъ вліянія океаническихъ водъ барьеромъ, находящимся въ «горле», сохраняютъ очень низкія температуры.

— А Белое море зимою замерзаетъ?

— О да! Даже въ начала июня пароходы не всегда могутъ пройти изъ Архангельска на Мурманъ. Бывали случаи, что они неделями стояли во льдахъ въ «горле» Белаго моря.

Зоологическія орудія принесли намъ животныхъ, среди которыхъ даже нашъ неопытный глазъ сразу отличилъ такихъ, которыхъ мы въ океане не встречали.

— Что это за моллюски въ такомъ громадномъ количестве? — спрашивали мы Николая Михайловича.

— Это *Ioldia arctica*!

Почему же она не встречается на Мурмане?

— Это животное более холодной области. Было время, когда весь северъ Европы отличался вероятно теми же климатическими условіями, которыя находимъ мы теперь въ Беломъ море; тогда *Ioldia arctica* встречалась и тамъ. Белое море темъ и интересно, что какъ его физико-географическія особенности, такъ и фауна въ значительной степени объясняютъ намъ условія жизни въ томъ холодномъ море, которое омывало когда-то значительную часть береговъ Европы.

Среди рыбъ, принесенныхъ оттертроллемъ, обыкновенной трески не было, но попалось несколько «саекъ» или полярныхъ тресокъ. Очень удивило даже и Николая Михайловича находеніе среди добытыхъ животныхъ техъ самыхъ митилюсовъ, которые такъ часто встречаются въ литоральной полосе. Здесь мы ихъ добыли съ глубины 236 метровъ!

Очень странно выглядели крупные *Gorgonocephalus* — большіе офиуры съ сильно разветвленными лучами. Интересны также были роскошныя колоніи гидроидовъ и особыхъ коралловъ (*Alcyonium*), которые однако не строятъ такихъ известковыхъ построекъ, какъ ихъ южные родственники.

И здесь на дне жизнь была ключемъ! Такъ, напр., среди массы животныхъ, принесенныхъ траломъ Петерсена, одинъ видъ офиуры (*Ophiacautha bidentata*) попался въ количестве

699 экз., звезда (*Asterias stellionura*) — въ количестве 490 экз. и т. д.

Чемъ ближе къ Архангельску, темъ чаще и чаще попадаются намъ суда. Сразу заметно, что мы попали въ места, более населенныя и более культурныя. Вотъ и маякъ, на которомъ мы беремъ лоцмана, вводящаго насъ въ устье Северной Двины.

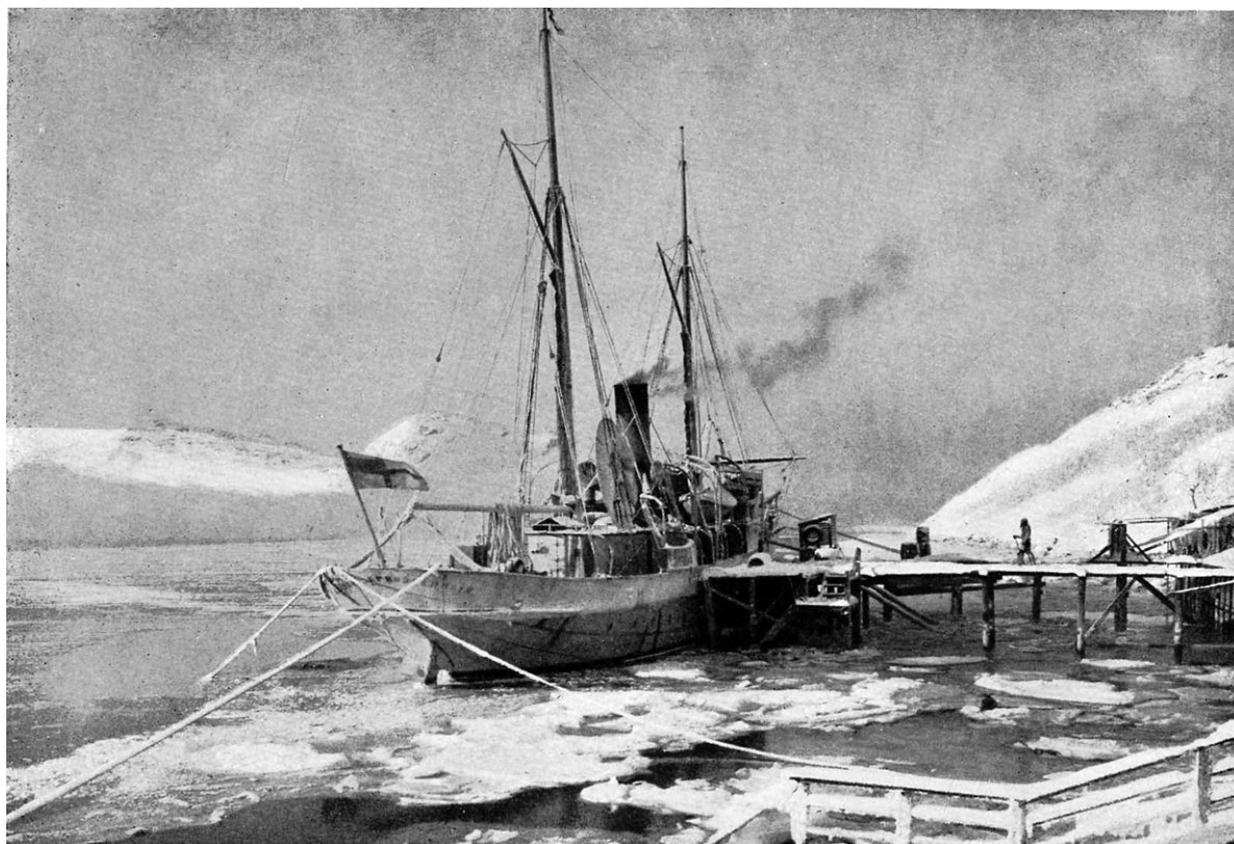
Лесь мачтъ! Громадные пароходы съ различными незнакомыми мне флагами выгружаютъ свои товары. Шумъ лебедокъ, лязгъ цепей, крики, говоръ, ... какъ все это было ново после безлюдныхъ водъ Мурмана! Но что меня поразило въ Архангельске более всего, такъ это — деревья! Какъ ни странно, но я испытывалъ особенное острое наслажденіе, глядя на настоящія высокія деревья и слушая шумъ ихъ листьевъ. Такимъ роднымъ к близкимъ повеяло на меня отъ этой картины! Столько воспоминаній вызвала она во мне...

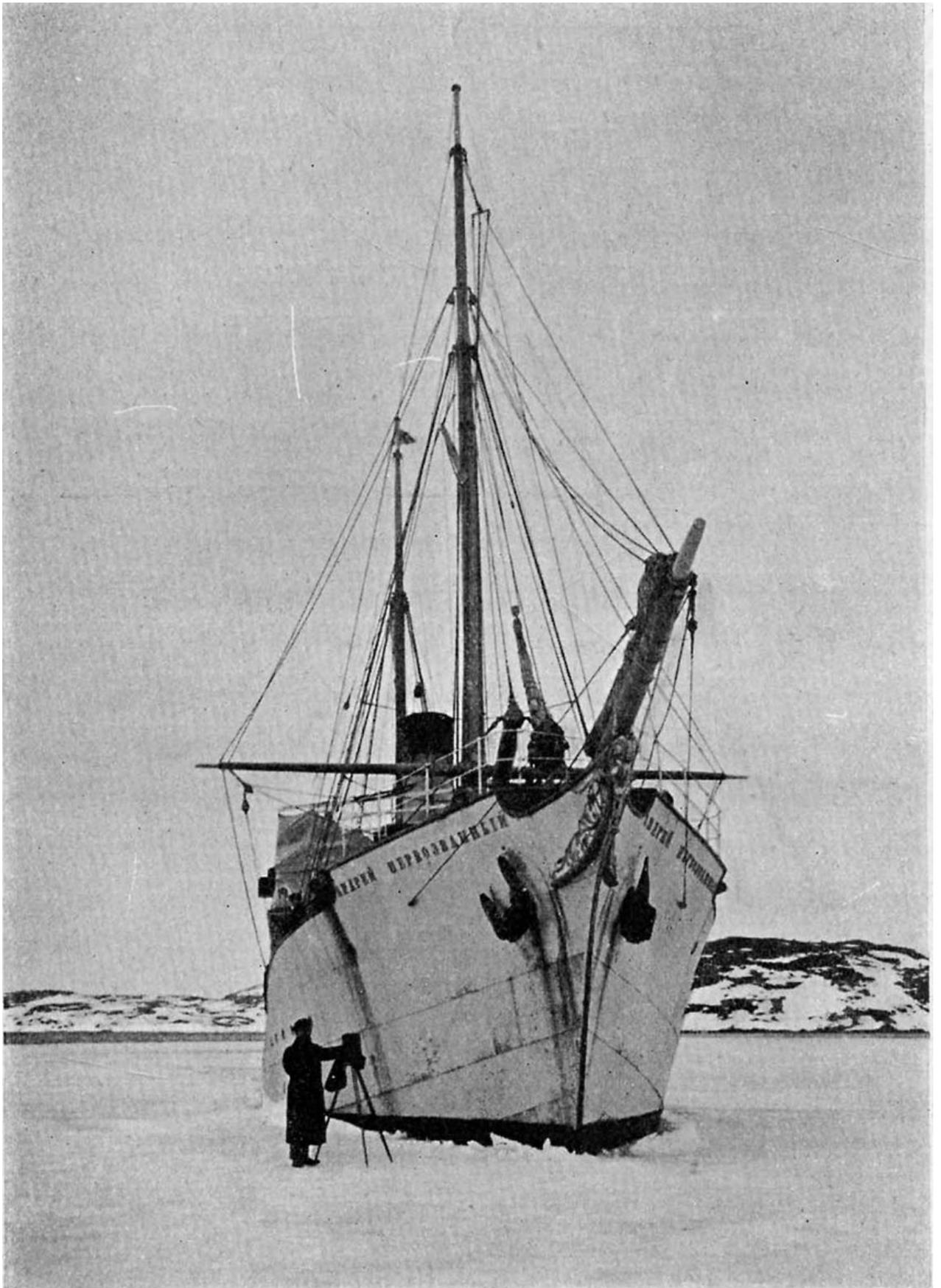

Подходы к Архангельску

Пришло время разставанія. Много тысячъ миль пришлось мне сделать на «Андрее Первозванномъ»! Я сжился съ нимъ, какъ со своимъ роднымъ домомъ: каждый его уголокъ, каждый предметъ въ каюте, на палубе, въ лабораторіи были мне такъ же хорошо знакомы, какъ предметы, окружающие меня въ моей квартирѣ.

Много было испытано и пережито въ этихъ плаваніяхъ. Все время, проведенное мною на «Андрей Первозванномъ», встаетъ въ моей памяти, какъ время интенсивной и въ высшей степени продуктивной работы, сильно расширившей мои знанія и повліявшей на мой умъ, волю и характеръ. Все пережитыя невзгоды представляются мне теперь, какъ комическіе инциденты, о которыхъ я не могу вспомнить безъ улыбки. Отъ всей души благодарю я судьбу, давшую мне возможность испытать все то, что пережилъ я въ теченіе этихъ плаваній!

Андрей Первозванный в Екатерининской гавани зимой.